

Колбяги „Русской Правды“ и приладожская курганная культура

В «Русской Правде», бесценном памятнике древнерусского права, названы представители лишь четырех этнических (а отчасти, и этносоциальных) событиями в Новгороде 1015—1016 гг., русин и словенин упомянуты в тексте древнейшего ядра «Правды» (статьи 1—10 по Академическому списку), сложившемся, по мнению большинства исследователей, в связи с событиями в Новгороде 1015—1016 гг., русин и словенин упомянуты единожды, а варяг и колбяг — дважды. Ни одна из других этногрупп, упоминаемых летописью, не представлена в «Русской Правде». Но при этом, если этнические и этносоциальные наименования «русь», «словене», найдем в русском летописании, то об этносоциальной (?) единице «колбяннейшем русском летописании, от об этносоциальной (?) единице «колбяги» мы не имеем ничего кроме глухого упоминания о ней в «Русской Правде».

Однако, уже давно принято, что «колбяги» «Русской Правды» тождественны с «кюльфингами» скандинавских и «кулпингами» византийских источников и сопоставимы с «келябиями», упоминаемыми у передневносточного писателя Димешки.¹

В любом случае следует отметить, что колбяги-кюльфинги — это этносоциогруппа, зафиксированная не позже начала XI в. в пределах Руси или на ее пограничьи, для которой до недавнего времени не было предложено никакого реального археологического соответствия. Ниже предлагается анализ письменных источников о кюльфингах-колбягах, позволяющий соотнести их с определенным археологическим единством.

Тесная сопряженность «варяга» и «колбяга» в ст. 9 и 10 «Русской Правды» позволяет предполагать в последнем (по аналогии с первым) преимущественно иноземного наемного воина и купца. Статья 10 о челядине, три дня скрывающемся у варяга или колбяга, заставляет предположить, что некоторые колбяги постоянно или долговременно проживали в Новгороде и его ближайших окрестностях, а также, возможно, в других

¹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 226; Брим В. А. Колбяги. ИАН, 1929. № 1. С. 277—285; Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII веков // Труды В. Васильевского. Т. 1. Сиб., 1908. С. 348—351; Тихомиров М. И. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 11, С. 287.

городах Руси; правовой статус их довольно высок (на суде они могут не выставлять свидетелей, как другие, а ограничиваться присягой), а места их постоянного или временного обитания малодоступны для остального населения (челядин может долго скрываться у них); люди они состоятельные, заинтересованные в умножении «челяди».

Вариант статьи 9 в древнейшем списке «Русской Правды» — в новгородской «Кормчей» конца XIII в. (возможно, сохранившей редакцию середины XII в.) «а оже будет варяг или колобязг крещения не имея, а будет има роте по своей вере», позволяет видеть в колбягах либо язычников, либо (что менее вероятно) христиан римско-католической церкви, если приписка была сделана после схизмы.

Вторая достоверная фиксация колбягов, имеющая точную временную и хронологическую привязку, содержится в византийских хрисовулах 1075, 1079 и 1088 гг., освобождающих от постоя вооруженных отрядов «росов, варангов или кулпингов, или франгов, или булгар, или саракенов» (1075), «росов, варангов, или кулпингов или франков, или булгар, или саракенов» (1079), «росов, варангов, кулпингов, инглинов, франгов, немитцев» (1088).²

Важно отметить, что в более ранних византийских документах, в том числе и хрисовуле 1060 г., где перечислены «варанги, росы и саракены, и франги», колбяги-кулпинги не называются; не встречаются они и в более поздних византийских документах, исчезая вместе с «варанго-россами» и заменяясь «варангами», состоящими преимущественно из англо-саксов и других выходцев из Западной Европы.

Отметим, что во всех трех документах кулпинги, как и колбяги в «Русской Правде», следуют непосредственно за варангами-варягами, или же за «варанго-россами», если вслед за В. Г. Васильевским считать, что существовал подобный термин для обозначения славяно-русских и скандинавских наемников в Византии.

Возможно, колбяги попадали в Византию и ранее 1075 г., но ввиду их малочисленности не выделялись из числа «варяго-руси». Видимо, около 1070 г. количество наемных воинов из числа колбягов заметно возрастает, а их выраженная этническая обособленность уже не позволяет смешивать их с варяго-россами.

Присутствие колбягов в византийских войсках предполагает и их, пусть кратковременное, пребывание в Киеве, через который в XI в. пролегал основной путь в Константинополь. Однако в целом несомненно, что они принадлежали к числу северных этносоциумов и были теснее свя-

² Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 348—351.

заны в Ладогой и Новгороде, нежели с Киевом. Это подтверждается и упоминанием колбягов в новгородской берестяной грамоте XII в., найденной в усадьбе, датированной рубежом XII—XIII вв.³ Тем удивительнее, что в XII—XIII вв., когда Новгород интенсивно осваивает и прибирает к рукам земли, принадлежащие различным этногруппам на северном пограничье Руси, и, когда в числе подчиненных и союзных с Новгородом этносов летописями упоминаются воль, ижора, карелы, ни в одной летописи ни разу не упомянуты колбяги. Скорее всего в это время они скрываются в летописях под неким иным обозначением, под каким именно — об этом ниже. Скандинавские землеописания сер. XII—нач. XIV вв. знают «Кюльфингаланд» — землю колбягов,⁴ но неясно, была ли еще эта земля к рубежу XIII—XIV вв. реальностью или лишь данью традиции. Имя кюльфингов встречается и в «сагах о древних временах»⁵, но отражает ли оно реальность времени записи саг (XIII—XIV вв.) или времен, о которых они якобы повествуют (не позднее конца IX в.) — сказать трудно.

Итак, колбяги-кюльфинги были безусловной и заметной реальностью в социально-экономической жизни Руси и Византии в XI в. и продолжали еще существовать на рубеже XII—XIII вв.; для более позднего времени нет достоверных свидетельств их существования как обособленной группы под тем же названием.

Заметим, что в «Русской Правде» колбяги упомянуты в связи с событиями 1015—16 гг. как вполне сформировавшаяся группа наряду с русинами, словенами, варягами. Но и русь, и словене, и варяги существовали как реальные этносоциумы под этими именами по меньшей мере с третьей четверти IX в. Поэтому естественно предположить, что и формирование кюльфингов-колбягов начинается немногим позднее этого времени. В связи с этим большой интерес представляет свидетельство «Саги об Эгиле» о кюльфингах, выступающих на крайнем севере Финноскандии в событиях, происходивших около 900 г.

В этой саге, записанной, как ныне принято считать, Снорри Стурлу-соном (ум. в 1241 г.), рассказывается как Торольв (дядя Эгила) около 900 г. (сразу после битвы при Хаврсфьорде) предпринял три даннических военные экспедиции в земли финнов (лопарей) и живущих к югу от них квеноз и кирьялов (карел).⁶ Кроме того, «в горах на востоке» Финмарка Торольв встретил кюльфингов. Финмарк (север Финноскандии) описан в саге как «обширная страна», расположенная к северу от Норвегии, от Швеции, от квеноз и кирьялов и омываемая морем «на западе, на севере

³ Арциковский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956 — 1957 гг.). М., 1963. С. 44 — 45.

⁴ Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 130 — 139.

⁵ Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // Древнейшее государство на территории СССР. М., 1976. С. 147.

⁶ Исландские саги. М., 1956, С. 74 — 85.

и повсюду на востоке». Через всю страну (видимо, с запада на восток) тянутся горы (видимо, северная часть возвышенности Манселья и Хибинны где Торольв скорее всего, и встретил кюльфингов). Вопрос состоит в том, относится ли описываемая этногеографическая ситуация к концу IX в. (время действия саги) или к началу XIII в. (время записи саги).

Напомним, что «Сага об Эгиле» является одной из достовернейших саг по части описанных в ней исторических событий и культурно-бытовых ситуаций. В то же время отмечается некоторая «модернизация» отдельных социально-экономических институтов и явлений конца IX—X вв., иногда подозрительно напоминающих реальность начала XIII в. Однако интересующие нас «этногеографические экскурсы», связанные с походами Торольва, явно архаичны; они дают уникальную по подробности «этно-социополитикогеографическую» картину, которая не имеет аналогий ни в одном известном нам источнике XI—XIII вв. Эта картина резко отличается от той, которую дают другие саги и, в частности, сам Сворри в других записанных или составленных им произведениях, где, например, к северу и востоку от Финмарка помещаются не море, а Бьярмаланд (вообще не упоминаемый в связи с деятельностью Торольва в Финмарке). Видимо, «этнокарта», даваемая в связи с походами Торольва, относится к тому времени, когда представление о Бьярмии еще не сложилось или не укоренилось в скандинавской традиции. Бурная активность скандинавов на северо-востоке в столь раннее время не может вызвать удивления, поскольку документирована бесспорными источниками. К концу IX в. относится путешествие Оттара к «бьярмам», о котором он рассказывал английскому королю Альфреду и которое, видимо, не получило резонанса в Скандинавии (в сагах нет никаких отголосков этого путешествия). В 918 г. «на север в Финмарк и дальше вплоть до Бьярмаланда» (как пишет Сворри в «Хеймокрингле» идет войной Эйрик Кровавая секира, о походе которого (только без упоминания Финмарка) знает и «Сага об Эгиле», ссылающаяся на песни, где говорится об этом.

Видимо, со времени Эйрика и прокладывается путь в Бьярмаланд вдоль побережья Финмарка; военно-торговые экспедиции X—XIII вв. по этому пути и дают новые данные об этногеографии Кельского полуострова и Беломорья, где всегда упоминаются бьярмы или Бьярмия и ни разу — кюльфинги и кирьялы. Сведения же, полученные некогда от Торольва и его спутников, отражают более древний этап «сухопутного» освоения северо-востока и относятся к концу IX в.

Итак, сведения о кюльфингах в «Саге об Эгиле» в своей основе действительно отражают реальность конца IX в. Рассмотрим их.

«Зимой Торольв поехал в горы, взяв с собой... не меньше девяти десятков человек. А прежде было в обычае, чтобы сборщики дани имели

при себе три десятка человек, иногда же и меньше... Торольв.. взыскивал с них (с финнов-лопарей) дань и в тоже время торговал... Торольв разъезжал по всему Финмарку, а когда он был в горах на востоке, он услышал, что сюда пришли с востока кюльфинги и занимались торговлей с лопарями, а кое-где — грабежами. Торольв поручил лопарям разведать, куда направились кюльфинги, а сам двинулся вслед. В одном селении он застал три десятка кюльфингов и убил их всех, так что ни один из них не спасся. Позже он встретил еще человек пятнадцать или двадцать. Всего они убили около ста человек и взяли уйму добра».⁷

«Сага об Эгиле» сообщает о кюльфингах сведения, перекликающиеся с тем, что мы знаем о колбягах и кулпингах из русских и византийских источников; они явно находятся в теснейшей связи и родстве со скандинавами, но, в то же время, определенно отличаются от них, уступая скандинавам всегда первое место в военно-социальной иерархии; они более тесно, чем скандинавы, связаны с Восточной Европой, где и находится их «базовая» территория.

Само имя «кюльфинги», видимо, известное с конца IX в., образовано от древнеисландского корня с помощью суффикса, употребительного и этнических, этносоциальных и родовых наименованиях. Один из вариантов перевода этого неознонима — «дубинщики; вооруженные дубинками» — имеет, возможно, унижительный смысл⁸. В саге они, как и норвежцы, заняты грабежом лопарей и торговлей с ними, причем их отряды имеют примерно ту же численность (20—30 человек), что и обычные норвежские группы сборщиков дани. Правда, если поборы норвежцев носят уже традиционный и узаконенный характер и обозначаются как «дань», то поборы кюльфингов, видимо, начались совсем недавно (если не впервые) и именуется «грабежами». В столкновении скандинавы (правда, более многочисленные) без труда побеждают кюльфингов. Столкновение «в горах, на востоке Финмарка» имело место в северной части Манселья или в Хибинах, куда кюльфинги пришли «с востока». Это выражение следует понимать в обычном для саг значении, т. е., что базовая территория кюльфингов находилась где-то к востоку от Балтийского моря. На север Финноскандии они могли прийти только с юга или юго-востока.

В трех редакциях скандинавского сказания «О заселении земли сыновьями Ноя» Кюльфингаланд (земли кюльфингов) помещена среди «удела» потомков Иафета сразу вслед за Великой Свитьод (прилегающей с севера к Черному и Азовскому морям частью Восточной Европы) и обозначается как «Кюльфингаланд, который мы называем Гардарики». Сочинение уже существовало к началу XIV в. Аналогичные сведения со-

⁷ Исландские саги. С. 78—79.

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь... С. 287; Мельникова Е. А. Древнескандинавские... С. 209 — 210.

держатся и в древнейшем исландском итинерарии — («Дорожнике аббата Николая») — составленном между 1154 и 1159 гг., где читается «Кюльфингаланд, который мы называем Гардарики»⁹. Помещение Кюльфингаланда среди весьма древних (по времени их сложения) «земель», доставшихся сыновьям Иафета (позднейшая — Унгараланд, существует с конца IX в.), заставляет (в согласии с данными «Саги об Эгиле») предположить и не меньшую древность «земли кюльфингов». Отождествление с Гардарики могло возникнуть также весьма рано, например, в X веке, когда уже безусловно был известен хороним «Гардар»; возможно, однако, что это отождествление возникло в XII в., когда Кюльфингаланд мог оказаться в составе Новгородской Руси в результате интенсивного освоения новгородцами и их князьями северных земель; не исключено, что отождествление базируется на обоих вышеназванных основаниях. В любом случае, Кюльфингаланд, явно расположенный на северных границах Руси, мог отождествляться с Гардарики только в том случае, если он лежал у самого начала тех водных путей, по которым скандинавы проникали на Русь, т. е. где-то в поречье Невы, Волхова, Сяси и, с меньшей вероятностью, Паши и Свири. В пользу тесной связи колбягов-кюльфингов с морским побережьем говорит свидетельство передневносточного писателя XIV в. Дименки о «келябиях», живущих у берега «моря Варанк» наряду с «варанками» и «сакалибами». Возможно, в пользу «приморского» положения колбягов говорит и хороним «Каллбаксид», т. е. «побережье калбак»¹⁰, упоминаемый в «Босасаге» наряду с Швецией и Курляндией.

Однако, в X—XI вв. Русь если и имела прямой выход к Балтике, то только в районе устьев Невы и Зап. Двины, а живущие здесь вода, ижора, карела и ливь по ряду причин (на которых нет смысла и места останавливаться) никак не могут быть отождествлены с колбягами. Отсутствуют здесь и следы «колбяжской» топонимики.

В силу возникающих трудностей необходимо остановиться на объеме представлений о «Варяжском море», «море Варанк» и морском пути на восток» в средневековых источниках. В целом ряде саг при описании пути героев на восток» их морское путешествие оканчивается лишь прибытием в Альдейгью (Альдейгьюборг), Хольмгард или Гардаруку, т. е. плавание по Неве, Ладоге и, отчасти, Волхову составляет часть морского пути «на восток». В «Саге о Хальвдане» битва, явно происходившая в Ладожском озере, рассматривается как морская битва¹¹.

Во вводной части «Повести временных лет» (ПВЛ) сообщается: «Ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжскому. По сему же морю седят варязи семо ко востоку до предела Симова». По ПВЛ ближайшей землей к «пределу Симову» являются «болгары» (волжские). В связи с

⁹ Мельникова Е. А. Древнескандинавские... С. 130 — 136; Мельникова Е. А. Древняя Русь... С. 142, 146.

¹⁰ Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // ИАН, 1934. С. 513.

¹¹ Джаксон Т. А., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси IX — XI вв. // «Археология и история Пскова и Псковской земли». Тезисы научного семинара. Псков, 1988.

атим отметим, что по согласному представлению многих передневосточных авторов Балтийское море («море Варанк») простирается далеко на восток до Волжской Болгарии. Все подобные представления находят объяснение в том, что пресноводное Балтийское море, отделенное узкими проливами от Северного, не ограничивалось резко от продолжавших его на восток огромных озер Ладога и Онега, соединенных с Балтикой короткой и полноводной Невой. Даже когда позднее обособленность Ладоги была осознана, Нева воспринималась автором ПВЛ не как река, а как «устье» озера Нево, которое «ввидеть... в море Варяжское», а автор «Хроники Эйрика» при описании событий 1300 г. сообщает, что «Белое озеро» (совокупность Ладоги, Свири и Онега) огромное как море. По данным Иоакимовской летописи, Рюрик отдал своей жене Ефанде, матери Игоря, во владение некий «град при море», в котором трудно видеть что-либо иное, чем город Ладога (Альдейгья), стоявший в 12 км от Ладожского озера¹².

Совокупность всех приведенных данных позволяет искать «землю кюльфингов» и «коляжское побережье» не столько на восточном берегу Балтики (этнономенклатура которого хорошо известна и где нет места колыбам), сколько на берегах Ладоги и Онега, откуда пролегли удобные пути и на Кольский полуостров, куда колыбги проникают, вероятно, уже в конце IX в. (и никак не позднее начала XIII в.) и в Новгород, где они отмечены с начала XI по рубеж XII—XIII вв.

Подобная локализация подтверждается обстоятельством совместной находки (в одном ярусе и в одной усадьбе) двух новгородских берестяных грамот XII в., в одной из коих (№ 222) Матвей пишет Юрию из одного места в другое и дает указания о некой судебной тяжбе, в которую втянуты и колыбги («если не бежали колыбги»). Одно из мест, подразумеваемых в грамоте, видимо, Новгород. Где же находится другое, тоже как-то связанное с тяжбой и колыбгами? Указание на это, возможно содержится в другой (№ 219) грамоте из той же усадьбы. Это также письмо (приказ?) от одного лица к другому, касающееся судных операций. В этой грамоте имеется и единственный на обе грамоты бесспорный топоним: некто Денешинич должен возместить свой долг за счет неких хлебных (или рыбных) угодий «на низ Сяси»¹³. Итак, хозяин усадьбы имел тяжбы с колыбгами и как-то был связан с угодьями в низовьях Сяси, т. е. на юго-восточном побережье Ладожского озера, где, как видно из изложенного ранее, и естественно искать землю колыбгов; на приозерных угодьях продвигавшиеся от Ладоги и Волхова новгородцы и могли соприкасаться с иноэтничным и иноверным населением — колыбгами.

¹² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX — XIV вв. М., 1978. С. 114 — 115; Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.-Л., 1962. С. 110.

¹³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты... С. 39 — 41, 44 — 45; На происхождение обеих грамот из одной из усадьбы обратил наше внимание студент Исторического ф-та ЛГУ Мусин А. Е.; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 26 — 48 — 50, 80 — 82.

Связь между Сясю и колбягами становится высоковероятной в свете данных топонимики. Именно в бассейне Сяси, только уже в ее верховьях, известен единственный топоним, в точности воспроизводящий имя колбягов. Это название погоста на одном из истоков Сяси реке Воложбе (от слова «волок»), откуда начинался волок к реке Чагоде, в бассейне Волги. Погост этот известен по летописям и актам с XV в. под названием Колбяги, Колбеги, Колбаской погост, Колбеки¹⁴. Возник он на пересечении сухопутной «нагорной» дороги, ведущей из Новгорода в Заволочье с одним из важнейших водных путей из Балтики в Поволжье. Видимо, здесь новгородские купцы, сборщики дани и поселенцы также встречались с колбягами.

Отметим, однако, что топонимы, производные от этнонима «колбяги», известны еще в двух точках. Это расположенное на реке Великой село Колбежичи (Колбежицы, Колбижицы), известное с XVI в. и село Колбежиче, существовавшее в XVII в. в 70—80 км западнее от Киева¹⁵. Эти два топонима, видимо, отмечают места оседания потомков колбягов на территории Руси, на чем остановимся позднее.

Итак, в целом кюльфингами-колбягами назывались обособленная группа населения Восточной Европы, которая за пределами своей основной территории обитания выступала в таежно-тундровой зоне как появляющиеся сезонно сборщики дани, грабители и торговцы, а на Руси и в Византии как наемные воины и, вероятно, купцы, часть которых проживала здесь долговременно. У колбягов была своя «базовая» территория, расположенная где-то между Беломорьем и Новгородом у балтийских ворот Руси, вероятнее всего на берегах Ладоги и Онего; здесь они навряд ли выступали лишь в вышеописанных ролях, а скорее всего, в большинстве своем были хорошо вооруженными крестьянами («бондами»). Колбяги близки скандинавам в этносоциальном отношении, но неизменно ставятся на второе место, занимая в сознании скандинавов, Руси и византийцев как бы место на полступеньки ниже скандинавов (варягов); при этом в юридических документах колбяги отчетливо отличаются от варягов и историко-географически теснее связаны с Русью. Вероятно, территориальное ядро колбягов находилось в среднем течении Сяси, по которой пролегла одна из ветвей Волго-Балта и в низовьях и верховьях которой новгородцы сталкивались с колбягами. Время существования колбягов как обособленного этносциума — с конца IX по начало XIII вв. При этом, если в X—XI вв. они выступают как достаточно грозная сила, то в XII в. они сами занимают «страдательное положение», будучи вынуждены «бежать» под давлением каких-то обстоятельств; однако, и в XII в. они сохраняют свою особость, оставаясь хотя бы частично язычниками («колобг крещення не имей»).

¹⁴ Пасонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 122.

¹⁵ Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу... С. 511 — 513.

Всем перечисленным условиям прекрасно соответствует приладожская курганная культура (ПКК), оставленная населением, жившим с конца IX по начало XIII вв. в юго-восточном Приладожье, по течению Сяси, Паши, Ояти и Свири; приладожские курганы насыщены оружием западноевропейского и местного производства, украшениями, характерными для скандинавов и для финно-угорского населения лесной зоны, монетами (арабскими, западноевропейскими, реже — византийскими). По археологическим данным, это население сформировалось из трех компонентов: собственно скандинавского, финноугорского (из различных областей лесной зоны) и русского (имеется в виду политническая волховская «русь» середины VIII — конца IX вв.). Один из центров формирования этой культуры находится в среднем течении Сяси, около села Городище.*

В. А. Назаренко, ведущий специалист по ПКК, отклонив гипотезу о принадлежности ПКК летописной веси и не находя возможным сопоставить ее с другой летописной этногруппой, предварительно обозначил ПКК (исходя из ее этнокультурного облика) условным наименованием «культура приладожской чуди».¹⁶ Когда в 1984 г. автор настоящей статьи выдвинул гипотезу о принадлежности ПКК колбягам, В. А. Назаренко (с отдельными оговорками) в целом поддержал ее и обогатил нашу гипотезу рядом ценных наблюдений.¹⁷

Надо отметить, что как бы в соответствии с данными о колбягах ПКК формируется в конце IX в., в X — начале XII вв. отличается особой яркостью и своеобразием, а в XII — начале XIII вв. утрачивает это своеобразие и приобретает многие общесеверорусские черты.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, делает высоковероятным, что основная масса носителей ПКК именовалась колбягами.

Это не означает, что на территории ПКК не жили другие этногруппы, а также, что все колбяги везде и всегда захоранивались лишь по обрядам, свойственным ПКК. Однако, в целом, между колбягами и ПКК существует столь несомненная соотнесенность, что нам представляется целесообразным рассмотреть отрывочные письменные свидетельства о колбягах на фоне системных археологических данных о формировании, развитии и закате ПКК.

* Приносим благодарность В. А. Назаренко и О. Н. Богусловскому за ценные консультации по этой теме.

¹⁶ Назаренко В. А. Норманлы и появление курганов в Приладожье. // «Северная Русь и ее соседи», Л., 1982, С. 142 — 147; Он же. Погребальная обрядность приладожской чуди. Автореф. дисс... канд. ист. наук, Л., 1983.

¹⁷ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985, С. 216; Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Л., 1986, карта на с. 13 и легенда к ней; Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь. Русский Север и Старая Ладога в VIII — XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988, С. 42 — 45.

Возникновение в середине VIII в. полиэтничного торгово-ремесленного поселения Ладога (Альдегя) на нижнем Волхове является фактом, отмечающим начало нового периода и в истории Приладожья, и в истории Восточной Европы в целом. Сооружаемые в окрестностях этого поселения огромные сопки — погребальные памятники нового типа — не позднее рубежа VIII — IX вв. распространяются и в бассейне Сяси, что говорит о том, что формирующаяся в Поволхове «русь» стремилась контролировать два наиболее удобных пути на юго-восток — по Волхову и по Сяси, бассейн которой с конца IX или в X вв. частично занимает и ПКК. О первом проникновении дружинного военно-торгового элемента вглубь той территории где впоследствии возникает ПКК, говорит находка «рейнского» меча типа В у деревни Бор на реке Оять (видимо, из погребения), южном притоке Свири, по которой пролегал водный путь в Онегу и далее на Белое озеро, в Подвинье и Беломорье. Мечи типа В датируются последней третью VIII — первой третью IX вв. Поскольку в курганах ПКК, где найдено свыше 20 мечей и которая возникает около 865 — 890 гг., равно как и в синхронных дружинных русских некрополях ни разу не обнаружен меч типа В, есть все основания полагать, что этот меч попал в землю никак не позже 850-х гг., а возможно, и ранее.

Время возникновения ПКК наиболее точно фиксируется погребением № 2 из кургана № 95 близ д. Костино на Паше. Здесь обнаружены две скандинавские скорлупообразные фибулы типа 27, датирующиеся первой половиной IX в., фибула типа 58, датирующаяся IX в., ладьевидный браслет, подобные которому датируются не позже третьей четверти IX в. и четырнадцатигранные сердоликовые бусины, впервые появляющиеся в горизонте Е₁ Ладожского поселения (середина 860-х—890-е гг.). По сумме данных это погребение можно датировать в пределах 865 — 900 гг.¹⁸ К близкому времени относится еще ряд погребальных комплексов на средней Паше, где складывается как бы «ядро» ПКК, и на средней Сяси. И уже около 900 г. мы застаем колбягов на Кольском полуострове за сбором дани и торговлей.

Видимо, когда в 860-е и 880-е гг. на Волховско-Днепровском пути «из варяг в греки» складывалось единое русское государство, возглавляемое Рюриком, Олегом и Игорем, пути колонизационной и военно-торговой деятельности, ведущие по Волхову на юг и на юго-восток оказываются перекрытыми для тех групп скандинавов, которые не входили в состав русских дружин. Отдельные группы скандинавов, которые по тем или другим причинам не хотели включаться в систему формирующейся общерусской государственности, оседали на реках между Сясью и Свирью, откуда можно было легко добраться до богатых пушнинаой областей Прионежья, Беломорья, Подвинья и Прикамья и до рынков сбыта в Волжской Болгарии.

¹⁸ Подробно рассматриваемый комплекс проанализирован в дипломных работах студентов Исторического ф-та ЛГУ Богуславского О. И. и Яблоника Д. Л.

Судя по археологическим данным, период формирования нового этносоциума охватил конец IX и начало X вв., т. е. хронологически соответствовал периоду заселения Исландии (870 — 930 гг.), куда в это же время устремился поток колонистов из Скандинавии. Но в отличие от почти безлюдной Исландии, скандинавы столкнулись в Приладожье с отдельными группами русских поселенцев, а также с аборигенным финским населением. Захват и покупка рабов и особенно рабынь, приводили к включению в состав приладожских колбягов и представителей различных таежных групп финнов и саамов.

Поволховская «русь» и включившиеся в ее состав группы скандинавов обозначили соседнее, родственное, но социально-политически менее развитое объединение именем «кюльфинги» («дубинчики»), возможно, звучавшим несколько презрительно. Не исключено, что одним из первичных центров формирования колбягов был единственный укрепленный пункт на территории юго-восточного Приладожья — городище у с. Городище на реке Сясь, около которого обнаружены как огромные сопки поволховской руси, так и меньшие по размерам курганы колбягов. Этот городок, вероятно, соответствовавший Алаборгу северных саг, прекратил свое существование не позже 930-х гг., еще до того, как гонимая керамика стала вытеснять лепную.¹⁹ В дальнейшем в земле колбягов не возникло ни одного города, а население, видимо, жило преимущественно в небольших поселках хуторского типа, трудно уловимых археологически, т. е. в тех «агардах» (хуторах, усадьбах), которые отличали русь и колбягов от финского и саамского населения северо-западных окраин Руси, жившего большими родовыми гнездами или бродившего за зверем по лесам.

В сложившемся виде ПСКК выступает со второй четверти X в. В начале XI в. колбяги отличаются от варягов и русинов «Русской Правдой», а в конце XI в. — византийскими хрисовулами от варягов-росов, хотя в обоих случаях называются непосредственно вслед за ними и выступают в аналогичных социально-правовых ситуациях.

В силу этого полагаем, что полное молчание наших летописей об участии колбягов в жизни Русского государства объясняется тем, что колбяги перекрывались близким по смыслу и звучанию, но более широким именем «варяги». В юридических документах различие этих близких этносоциальных групп предполагалось самим назначением и стилем этих стремящихся к точности текстов, а в летописях, прошедших обработку и редакцию в южно-русских монастырях, принято было обобщенное обозначение северных наемников-чужеземцев более распространенным термином «варяги». Так, в частности, при захвате Киева Владимиром в 980 г. (по летописи) или в 978 г. (по житию Владимира, написанному Яковом Мнихом), су-

¹⁹ Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь... С. 42; Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. Связи Северной Руси и Беломорья в IX—XIII вв. — Внешняя политика Древней Руси. Тезисы докладов. М., 1988, С. 24.

шествленную роль сыграли северные наемники-варяги, некоторых из коих он «посадил» в «градах» (крепостях), а других отправил в Византию. Не исключено, что поселение «Колбежичи» западнее Киева возникло при Владимире в виде «градка» на окраине полужанской и недавно замирившей древлянской земли. Об участии жителей Приладожья в этом походе, возможно, говорит то, что все византийские монеты, происходящие из погребений и кладов Приладожья и Прионежья, относятся к середине X — первой четверти XI вв., причем чаще всего встречаются монеты Василия II и Константина VIII (976 — 1025 гг.), при которых варяги и были посланы Владимиром в Константинополь. В одном случае обнаружено даже варварское подражание этим монетам. Ни одной более поздней византийской монеты в Приладожье пока не обнаружено. Не является ли все это свидетельством возвращения на север небольшой группы воинов-колбягов, входивших в состав варягов, побывавших в конце X в. в Киеве и Константинополе? Не следует забывать и о посылке Владимира в Византию в 988 — 989 гг. вспомогательного русского корпуса, в составе которого также должны были быть неизменно сопрягаемые варяги и колбяги.

Ни археологические, ни письменные источники ничего не говорят о соотношении колбягов и Ладоги (Альдейгы) в 1020—1040 гг., в период, когда Ладогу «держали» на правах вассалов Ярослава и Ингигерд ярл Рагнвальд и его сыновья Ульв и Эйлив. Однако, сама логика событий позволяет утверждать, что колбяги в той или иной степени подчинялись в это время ладожским воеводам; иначе трудно представить, чтобы ладожские ярлы могли пользоваться таким влиянием на Руси и в Скандинавии. Только подчинение колбягов делало возможным регулярное отправление торгово-даннических экспедиций в таежные области северо-востока. А из сообщений ПВЛ мы знаем, что самостоятельная деятельность ладожан в освоении северо-востока активно развивалась вплоть до 1070 — 1080 гг.; позднее инициативу перехватывают новгородцы.

Политическая ситуация в Приладожье осложняется в середине XI в., когда после смерти Ингигерд (1050 г.), Владимира Ярославича (1052 г.) и Ярослава (1054 г.) упраздняется самостоятельный «стол» в Новгороде, куда «сажаются» сын и посадник киевского князя Изяслава, а в это же время третий сын ярла Рагнвальда Стейнкель становится королем Швеции (ок. 1056 — 1066 гг.) и основателем новой династии.

Отчетливые контакты Ладоги с Новгородом прослеживается лишь в последней четверти XI в. К этому времени относятся печати новгородского князя, посадника и епископа, найденные в Ладоге. В это же время наблюдается приток наемников-кулингов в Византию. Политическая неопределенность отчасти разрешается в 1095 г. браком новгородского князя Мстислава (сына Мономаха) и внучки Стейнкеля шведской принцессы Кристин. Однако некие местные силы (уж не колбяги ли?) не хотят примириться с подчинением Новгороду и в 1105 г. новгородцы отправляются «в Ладогу на воину», в связи с чем Ладога после 183-летнего перерыва (впервые после 922 г.) попадает на страницы русских летописей. После

этого в 1114 — 16 гг. в Ладоге, одновременно с укреплением новгородского детинца, строится новая каменная крепость и, начиная с 1105 г., Ладога и ладожане упоминаются в летописи в среднем каждые десять лет.

Присоединение к Новгороду юго-восточного Приладожья происходит не безболезненно. В последней четверти XI — начале XII вв. на территории ПСК зарываются огромные по богатству клады монет, среди которых преобладают западноевропейские. После этого приток западноевропейской валюты в Приладожье резко уменьшается. ПСК как совершенно своеобразное явление (в области погребального обряда и инвентаря) существует в виде системы родственных и локальных вариантов до конца XI — начала XII в. Несомненно, что до этого времени языческие верования преобладали в среде местного населения, что прекрасно согласуется с текстом древнейшего списка «Русской Правды»: «колобят крещения не имея». Как определенное территориальное единство ПСК продолжает существовать до середины XIII в., хотя в обрядности и материальной культуре резко усиливаются общесевеверорусские черты.

Судя по всей сумме фактов, колобяги, создатели ПСК, изначально, после первичного смешения исходных этнокомпонентов, были дву- или трехязычны. В X — начале XII вв. местный финский субстрат и приток финноязычного населения из таежной зоны должны были способствовать финнизации колобят, а общение с варягами и русью в городах Руси и Византии способствовать сохранению и развитию у них скандинавских и славянских этнокультурных и языковых элементов. С XII в., видимо, началась интенсивная славянизация колобят, однако, конечные итоги этого процесса не изучены.

В связи с вышеизложенным вновь возникает вопрос о полном отсутствии упоминания о колобях в русском и, в частности, новгородском летописании. Если до середины XI в., в силу присутствия сильного «варяжского» элемента среди населения Ладоги, политически связанные с ней колобяги могли скрываться в летописях под общим именем «варяги», то с конца XI и начала XII вв., в связи с усилением русского и новгородского влияния и присутствия в Ладоге и Приладожье, подобная ситуация становится маловероятной.

В летописях многочисленны случаи, когда, например, новгородцы и псковичи вместе именуется «русью», «новгородцами» именуется не только жители Новгорода, но и все сельское население Приильменья, а все жители Новгородчины, включая финноязычную вошь, обозначаются как «Новгородская волость». В связи с этим напомним о том большом месте, которое с 1130-х гг. занимают в жизни новгородской земли «ладожане». В частности, они приходят вместе с псковичами в Новгород в 1032 и 1036 гг. и при их непосредственном участии осуществляется изгнание князя Всеволода, ставшее важным этапом на пути кристаллизации своеобразного «вечевого строя» Великого Новгорода. Предполагаем, что мощь и влияние «ладожан» в 1130-х гг. определялось тем, что под этим именем скрывались не только жители небольшого города Ладоги, но и вооруженное сельское

население тянущей к нему округи, в частности, колбяги Приладожья. Не исключено, что именно в это время интенсивного взаимодействия ладожан и псковичей какая-то группа колбягов переселилась на Псковщину, что и отразилось в топониме «Колбежицы» на Великой.

Судя по всему, колбяги представляли собой этносоциальное образование на северной границе Руси, несколько напоминавшее позднейших казачков на южной границе и сыгравшее существенную роль в проложении данических, промысловых и торговых путей на севере Восточной Европы. Не исключено, что наряду с создателями ПРК существовали и другие группы колбягов. Впоследствии «колбяжские пути» перешли в ведение новгородцев, а сама «Кюльфингаланд» составила в XIII в. ядро «Обонежского ряда» в составе Новгородской земли. Именование «Обонежской» территории Приладожья может объясниться лишь тем, что в более раннее время какие-то важные пункты на путях движения колбягов в Беломорье лежали в Заонежье.

То, что в Заонежье издавна был административный центр, доказываются тем, что в перечне погостов «Обонежского ряда» (XIII в.), присоединенном к грамоте Святослава 1137 г., упоминается пункт «у Кокорка», который А. Н. Насонов без достаточных оснований локализовал в Приладожье на Ояти у д. Кокосвики, и который с большим основанием локализуется на о. Кокорино, именуемом в писцовых книгах XVI в. «Кокорин остров», т. е. практически так же, как погост в перечне «Обонежского ряда».⁹⁰ Предполагаемое отождествление погоста «у Кокорки» (XIII в.) и пункта «Кокорин остров» (XVI в.) в Заонежье позволяет, наконец, понять, почему «Обонежский ряд» называется именно «Обонежским», хотя все его погосты расположены (по А. Н. Насонову) в Приладожье. Поскольку в XIII в. почти все (в том числе наиболее богатые) погосты «Обонежского ряда» находились в Приладожье, постольку само название «ряда» явно восходит к более раннему времени, т. е. X—XI вв., когда Заонежье занимало более заметное место в экономике Северо-Запада. В это время и в восточном Приладожье и в Заонежье возникают сходные по конструкции, обряду и инвентарю курганы (в частности, на о. Кокорка — Кокорино и у д. Челмужи в Заонежье) и зарываются сходные по составу монет клады (в Заонежье — Петрозаводский и на оз. Сандой). В Заонежье представлена отдельными памятниками X — XI вв. та же яркая «приладожская курганная культура» конца IX — начала XII вв.,⁹¹ которая принадлежала этносоциуму, известному в X — XII вв. под именами «кюльфинги» или «колбяги». Эти факты, а также богатые монетные клады XI — начала XII вв. на слабо заселенной Свири говорят о важном торгово-даническом пути X — XI вв., ведущем, в первую очередь, в Заонежье и связанном с расцветом пушных промыслов и торговли.

⁹⁰ Насонов А. Д. «Русская земля»... С. 97—98, карта между с. 80—81; Витов М. В. География боярщины на Новгородском севере в XV в. // Славяно и Русь. М., 1968. С. 266 — 273, карта на вкладке.

⁹¹ Спиридонов А. М. Северное Приладожье и Прионежье в X — XV вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 7 — 10.